

© 2011 г. Д.В. Бондаревский

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ:
ПРОБЛЕМА ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА**

Состояние многих современных языков представляет собой сложную языковую картину, не укладывающуюся в рамки традиционных классификаций. В большинстве случаев определение грамматического статуса той или иной языковой единицы не вызывает никаких затруднений, то в некоторых других примерах неизменяемость становится определённой преградой для понимания. Самому понятию «неизменяемость» присуща известная терминологическая «размытость»: оно охватывает не только несклоняемые имена, с количественной точки зрения образующие ядро неизменяемости, но и глаголы, наречия, а также служебные части речи (предлоги, союзы, частицы). Ярчайшее проявление аналитизма – увеличение числа неизменяемых единиц. Выводы об усилении аналитических тенденций часто делались на основании периферийных языковых фактов, отсутствовало системное рассмотрение прогрессирующей аналитизации. Именно поэтому само понятие аналитизма иногда оказывалось необоснованно суженным, а морфологическому аналитизму имени (несклоняемым существительным и неизменяемым прилагательным) не уделялось должного внимания. По нашему мнению, не следует преуменьшать значение аналитизации, прослеживаемое на специфическом материале, но на современном этапе языковой эволюции назрела необходимость его всестороннего рассмотрения. Эта задача связана с решением целого ряда вопросов общетеоретического и прагматического плана и охватывает рассмотрение проблем частеречной квалификации, морфологических характеристик данных единиц для их адекватного лексикографического отражения. Аналитизм в языке наиболее ярко проявляется прежде всего в области морфологии. Примером периферийных языковых фактов, свидетельствующих об усилении аналитических тенденций, является тяга к несклоняемости у собственных имен – у фамилий на *-о*, *-е*, *-ово*, *-аго* (*Фоменко*, *Витте*, *Дурново*, *Живаго*). Ранее эти фамилии могли склоняться. Е.А. Земская рассмат-

ривает прогрессирующую аналитизацию на ещё более специфическом материале – речи эмигрантов разных волн, разного возраста и профессий, живущих в разных странах: «рост аналитизма обнаруживается в русском языке на разных участках языковой системы» [1, с. 68].

Обращается внимание на высокую частотность употребления, многочисленность и разнообразие различных классов неизменяемых слов в морфологической системе разговорной речи, что свидетельствует об усилении аналитизма. В поле зрения исследователей попадали слова, которые становились неизменяемыми только на уровне словосочетания: *записка для Сергей Владимировича; она поклонница Марк Твена; помнить о своем день рождения; а что, по-твоему, я скажу Пал Осичу?* Многочисленные факты свидетельствуют об утрате отдельными элементами форм словоизменения. Это присуще исключительно разговорной речи и охватывает не только фонетический уровень, но и грамматический, а «причины данных фактов следует искать в грамматике, в общих тенденциях к аналитизму и агглютинации» [2, с. 27]. При этом в процессе функционирования языковых элементов, приобретающих неизменяемость, – как в разговорной, так и письменной речи – актуализируется проблема определения их морфологического статуса: *Как и сейчас, в руководстве тогда начали оформляться две партии, два крыла. Одно выступало за сохранение статус-кво и видело в качестве ответа на угрозы ужесточение режима а-ля Андропов* («Новая газета», 25.06.2010.) Если в первом случае (*статус-кво*) устойчивое сочетание употребляется в значении существительного, то во второй пример (*а-ля Андропов*) можно рассматривать только в качестве аналитической модели. Объединяет оба примера неизменяемость. См. также трудности определения морфологического статуса языковой единицы *псевдо* в следующем примере: *Вот, ездят они в этих сейфах на колёсах, страшно боятся людей, жизни, выращаются каких-то хунвейбинов, типа «Молодая гвардия», псевдо, да, всё это псевдо, потому что хунвейбины эти – все за деньги, и в основном, не хочу может быть каких-то идеалистов обижать, но это так.* (Интервью с Ю. Шевчуком на радио «Эхо Москвы».) В лексикографических источниках *псевдо* чаще всего определяется как первая часть сложных слов – в силу своего морфемного (с этимологической точки зрения) характера. Такие словоупотребления свидетельствуют о способности этой языковой единицы выступать в качестве нового морфологического статуса, который может представлять собой в

контексте некий грамматический конгломерат, частеречная квалификация которого вызывает объективные затруднения.

Вопрос о частеречной квалификации неизменяемых имен довольно сложен, так как многим из этих единиц присуща грамматическая полифункциональность, то есть способность выступать в значении различных частей речи. В середине прошлого века решающим аргументом при доказательстве отсутствия в современном русском языке неизменяемых / несклоняемых прилагательных, наряду с предполагаемым отсутствием возможности препозиционного употребления этих единиц, служило утверждение о том, что неизменяемые прилагательные – это несклоняемые существительные, употребляемые в атрибутивном значении (*язык урду, рукав реглан, юбка макси*). По-видимому, грамматическая полифункциональность присуща единицам аналитических языков, а её эволюцию можно рассматривать в качестве одного из существенных признаков языковой аналитизации. При этом сложность отнесения определённой языковой единицы к той или иной части речи обусловлена такими факторами, как недостаточность или отсутствие флективных форм словоизменения, омонимия морфологических аффиксов, значимая роль конверсивного словообразования, функциональная вариабельность на синтаксическом уровне, образование атрибутивных именных цепочек. Эти черты присущи английскому языку – языку преимущественно аналитического типа, в котором частеречная принадлежность, как и в русском, детерминируется чаще всего благодаря трём критериям: значению, форме и функции. Следует отметить, что в английском языке, как и в любом другом языке аналитического типа, второй критерий (форма) представляется менее значимым: скудность флективных форм словоизменения и омонимия морфологических аффиксов не позволяют сделать этот критерий доминирующим в отличие от языков синтетических. Детерминированные на основе этого критерия части речи имеют синкретичный характер, а неизменяемые части речи оказываются вне этой классификации. Именно поэтому значение и функция имеют особое значение при частеречной детерминации языковых единиц с отсутствующими морфологическими характеристиками. По мнению А.Э. Левицкого, главным свойством современных классификаций оказывается соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий – эклектизм [3, с. 9]. В процессе аналитизации того или иного языка именно этот эклектизм становится доминирующим методологическим подходом при опре-

делении частеречной принадлежности языковых единиц, так как все классические подходы обнаруживают свою несостоятельность.

Терминологическая «размытость» понятия «неизменяемость» и объективные сложности морфологической интерпретации неизменяемых единиц приводят к появлению таких терминов, как «морфологически оголенные» (М.В. Панов), «морфологически ущербные» (Л.В. Кнорина), «неграмматические» (О.С. Ахманова), «парадигматически редуцированные» слова (И.В. Приорова). Их «нефлективность» – рассматриваемая иногда как «ущербность» – компенсируется на уровне словосочетания или предложения. См., например: *На Ямале многое наработано, многое сделано. Думаю, что они продолжат не хуже, чем мы. Учитывая, что Виктор Казарин давно работает в команде Неелова, его включают в число тех самых «мы», что покидают власть.* («Независимая газета, 19.02.2010г.) Грамматическая ассимиляция большинства неизменяемых слов в коммуникативном и художественном контексте имеет окказиональный характер. Основанием для ассимиляции могут служить следующие факторы: 1) социально-бытовая характеристика героя, индивидуализация персонажа и реальное отражение исторической эпохи; 2) «языковая игра», усиливающая экспрессию высказывания и создающая комический эффект (создание рифмы в поэтических текстах является, как правило, сопутствующим): см., например *Чубайсу это не нано* (заголовок статьи в ежедневной деловой газете «РБК daily») – обыгрывается неизменяемый полифункциональный элемент «нано» на фоне неизменяемого предикатива «надо»; 3) социально-исторические «противостояния» нормы и узуса в употреблении неизменяемых заимствований. В любом случае, такая грамматическая ассимиляция ненормативна (разрядка автора) – см., например: *Мы купили много бр и завесили этими брами всю комнату. Синюю бру повесили над диваном, в красной бре сменили лампочку, желтой брой загородили дырку на стене...* (Антон Зайцев. «Интересная покупка») [4]. На фоне такой «ненормативной» грамматической ассимиляции, текст, содержащий большое количество различных аналитических элементов и конструкций, воспринимается гораздо естественнее: *Где-то в Санкт-Петербурге располагается подстанция номер 35. ... Без десяти семь блогер a_osiroff переполошил блогосферу, заявив, что сотрудники МВД изъяли все сервера, находящиеся в дата-центре "ВКонтакте". Совсем все. Аудио-, видео- и прочие остальные. ...* (Название статьи «Дизель-эффект» // www.lenta.ru) Здесь представлен практически

весь набор современных аналитических единиц: несогласованное количественное числительное (*подстанция номер 35*), графический неосвоенный варваризм (*a ossipof*), несклоняемая аббревиатура (*МВД*), субстантивированная конструкция – имя собственное с отсутствующей парадигмой словоизменения («*ВКонтакте*») и неизменяемые прилагательные (*аудио-, видео, дизель-*). Эти неизменяемые единицы не всегда могут быть надлежащим образом интерпретированы в лексикографических источниках и справочных пособиях. См. также взаимодействие аналитических единиц в анонсе интернет-телевидения: «*Дневники Артемия Троицкого – видео-интервью интернет-телевидению TVJAM.*»

Несмотря на ряд объективных сложностей, адекватное освещение особенностей морфологического характера неизменяемых языковых единиц с высокой частотностью употребления – насущная необходимость: «Несомненно важно грамматическое описание языка современной эпохи. Оно дает необходимый вклад в общее познание языка, в его преподавание» [5, с. 63]. Специфика современной эпохи, по мнению исследователя, заключается в «приходе и распределении слов»: «К распределению по частям речи имеет отношение то, что происходит заметное обновление словарного запаса русского языка. Словарное пополнение с необходимостью распределяется по грамматическим подразделениям, свойственным языку» [5, с. 74]. Но это распределение не всегда оказывается возможным из-за диффузного статуса новых языковых единиц. Так, трудность определения грамматических характеристик неизменяемого слова «постмодернити» представлена в следующем примере: *Для человека общества постмодернити равнодушие к различным «авторам» объясняется возможностями, которые ему предоставляют информационные технологии и прежде всего гипертекст.* (Г.Г. Хазагеров, «Тоталитаризм и постмодернизм – общий знаменатель» // hazager.ru)

Некоторые исследователи предпочитают не определять принадлежность такого рода языковых единиц, осторожно именуя их формантами, элементами и грамматическими моделями: «Речь идет о новых процессах интернационализации, активизации соответствующих формантов и моделей, в целом – об исключительно новых тенденциях, в духе всё того же роста аналитизма и черт агглютинативности. Кое-какие примеры приводятся, вроде ... английских *шоп-, ток-, шоу-, брейк-*, но их могло быть гораздо больше, причём из числа, казалось бы, самых возмутительных вместе с тем внедряемых через

СМИ ежедневно, ежечасно: вспомним англоподобные «ленор-бельё», «памперс-ребёнок» из телереклам да и тот же «Горбачёв-фонд». Они и им подобные производят впечатление совершенно чужеродных, неадаптированных слепков с английского... А дальше следует самое курьёзное: именно сравнительно-сопоставительный фон и более или менее широкая языковая компетенция, на которые мы готовы опереться в своём справедливом пуризме, остужают наше рвение, предоставляя свидетельства совершенно аналогичных образований с достаточно раннего времени практически у всех славян на уровне народной речи... Таким образом, если тут есть действительно элементы «английскости» или «языковой игры» в английское ([6, 7]), то необходимо считаться и с другими элементами – заложенной в самом языке предрасположенностью к образованиям такого рода» [8, с. 17-18].

Употребление термина «неизменяемые имена» позволяет исследователям уйти от решения сложного ряда общетеоретических и собственно практических задач, особенно в отношении такого традиционно сложного и неоднозначно решаемого в лингвистике вопроса, как дифференциация неизменяемых имён на несклоняемые существительные и прилагательные, так как «особая грамматическая форма прилагательных русского языка, которая по своей семантике не принадлежит ни одному классу или роду, а получает классные или родовые показатели только в порядке согласования с существительным, делает границу между русским прилагательным и русским существительным достаточно чёткой. Иное дело, имена неизменяемые, там эта граница оказывается неустойчивой, и это сближает неизменяемые имена с полифункциональными словами, например, в английском языке. Однако констатация объективной трудности разграничения существительных и прилагательных среди неизменяемых имён не избавляет от необходимости выявления каких-либо признаков, по которым одни слова будут определяться ... как существительные, другие – как прилагательные, а третьи – как полифункциональные системы (существительные и прилагательные)» [9, с. 8]. Распределение неизменяемых языковых единиц по частям речи представляет интерес не только в свете решения магистральных общетеоретических вопросов, но и затрагивает аспекты прагматического плана: «Характеристика неизменяемого слова как определённой части речи крайне важна, потому что даёт представление об особенностях сочетаемости слова по линиям согласования

и управления. Так, принадлежность слова к существительным диктует необходимость выявления его грамматического рода, отношения к категории числа, а эти характеристики необходимы для правильного употребления слова в речи» [9, с. 9]. Еще большая диффузность границ существительное / прилагательное характерна и для других языков индоевропейской семьи, особенно для английского и французского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская Е.А.* Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке // Жизнь языка. М., 2001.
2. *Норман Б.Ю.* Об агглютинативных тенденциях в грамматике русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010.
3. *Левицкий А.Э.* Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка. Киев, 1998.
4. *Приорова И.В.* К вопросу о компенсации парадигматической «редукции» несклоняемых заимствований // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010.
5. *Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
6. *Данн Дж.* Политтехнолог – это тот же *spin doctor*? А как будет по-английски *фейс-контроль*? // Мир русского слова и русское слово в мире. Варна, 2007.
7. *Данн Дж.* Трансформация русского языка из языка советского типа в язык западного образца // Политическая лингвистика. 2008. № 3.
8. *Трубачев О.Н.* Славистика на XII международном съезде славистов // Вопросы языкознания. 1999. № 3.
9. *Брусенская Л.А.* Словарь неизменяемых иноязычных слов русского языка. Ростов н/Д, 1997.